

Ольга Кабанова

Вам, слышащим зов Темной Башни...

ДАН-ТЕТЕ

«Иди ко мне. Беги ко мне. Прячь свое двойное я. Кам-каммала, мой хороший сын. Мы свалим Башню, уничтожим свет, где бы он ни был, а потом будем вместе править темнотой.

Приходи ко мне.

Приходи».

Голос Алого Папули то звучал громко, то снижался до едва различимого шепота, но не утихал ни на мгновение в голове, и без того разрываемой болью. Его звала судьба. Великое предназначение. Потрясающие перспективы, черт побери – но вот он, будущий повелитель мира, полюбуйтеесь! – сидит на корточках со спущенными штанами, опираясь руками о землю, срет и блюет одновременно, его бьет дрожь, мозг плавится от лихорадки, а глаза застит темный туман, и страданиям этим нет конца. Смешно, не правда ли, господи? Невероятно смешно.

Спазмы наконец ослабли, потом прекратились... на время, да, на какое-то время. Тяжело дыша, он откинулся назад, привалился спиной к дереву. Один. Как всегда, один... Голос в мозгу не разделял его одиночество, не сочувствовал его состоянию, тот, кому он принадлежал, был занят только собой. Настойчиво талдыча своё, голос на самом-то деле не приглашал никуда – лишь тянул да подталкивал, вперед и вперед, тому не было дела, что, по видимости, совсем уже скоро он не сможет не то что идти – ползти. Ни в людском, ни в паучьем обличье.

Однако сдаваться он не собирался: самонадеянность юности – лучший из допингов. И, прежде чем потерять сознание, провел в бесплодной погоне за остатками своего *ка-тета* еще много мучительных часов. Последнее, что запомнил – камень, вдавившийся в бок, яркость света, нестерпимая для воспаленных глаз. И боль, проклятая изнуряющая боль, с которой нельзя было свыкнуться... Накрепко закусив губу, он лежал на животе среди валунов, глядел вниз, туда, где **они** расположились на отдых у костра, и яростно заставлял себя встать: вроде бы выдался наконец удобный момент для нападения.

Потом – острейшая судорога где-то в самой утробе, такая, что не вздохнуть, кровавая пелена и тьма.

Потом – опять свет. Но не резкий – приглушенный, даже приятный. Уютный, теплый свет, вызывающий... нет, не воспоминания, у него не могло быть подобных воспоминаний... Генную память о доме? **Человеческую** генную память. Он, без сомнения, и находился сейчас в своей человеческой ипостаси, не успел трансформироваться перед тем, как... что? Что произошло? И сколько прошло времени? И где он вообще, мать его распротак?... Ответов не было – снова скрутило болью и унесло в темноту.

А еще потом... кто-то осторожно разжал ему зубы, и в иссохший рот полилась тонкая струйка влаги. Он приподнялся навстречу, жадно охватил губами край подставленной посуды, осушил ту до дна, постанывая от несказанного облегчения – и, сразу утратив силы, мешком рухнул навзничь на что-то мягкое, спружинившее под

тяжестью тела. Полежал, настороженно прислушиваясь к ощущениям, прежде чем рискнул открыть глаза. А когда открыл, увидел склонившееся над ним лицо.

Девушка. Молодая. Вряд ли старше его. И – что уж там – очень даже симпатичная. Правда, на его пути встречалось не так много особей противоположного пола, но и без всякого опыта можно было заметить – хороша. Бутончик, так вроде именуют эдаких юниц влюбленные деревенские олухи? Глазки там, губки... Впрочем, все эти розовые сопли не про его честь. У него другая цель... о черт! Черт, черт, черт!!! Цель ушла из-под носа, ускользнула из лап, прет себе дальше как ни в чем не бывало, а он тут валяется нагишом невесть где, оценивая какую-то долбаную кралю!..

Он рванулся, вскочил было на ноги – и вновь упал назад, в мягкое, с мгновенным, безнадежным, *окончательным* осознанием: вот и всё. Здесь, прямо вот здесь – конец пути. Конец всему. Куда там сходят с тропы – в пустошь? В тодэшнюю тьму? Как бы ни было, скоро выяснится. Лишь бы это не затянулось...

Сложившись пополам от боли, он перевалился на бок, и его в тысячный раз вырвало.

Из тяжелой дурноты вывели руки, что приподняли ему голову, нежно отерли лицо, приставили к губам кружку с питьем. Он глотнул разок – и скривился. Терпкий, горьковатый вкус... Яд? Ему дали яд?.. Что ж, и к лучшему. Весьма милосердно, леди-сэй, я говорю: спасибо.

– Пей... Это травы, не бойся. Тебе поможет. Я смешала самый сильный сбор.

Голос. Сострадающий, ласковый голос, обращенный к **нему**... Как такое может быть?! Бред перед смертью? Всё это – лишь горячечный бред?..

Кружку снова настойчиво поднесли ко рту.

– Выпей, пожалуйста... Не так уж и горько, когда привыкнешь. Тебе нужно много пить сейчас, очень много. И травяной отвар, и настой баданного корня, он тоже не слишком-то вкусный, что поделывать!

– Зачем?..

А это уже его собственный голос – хриплый, севший, какой-то каркающий. Девчонка, не поняв, вопросительно подняла брови, и он повторил:

– Зачем? Всё равно я сдохну, сама прекрасно понимаешь! Так какого хрена заботишься? Откуда ты вообще взялась?

– Я...

(показалось, или она вправду на секунду загнулась в замешательстве, прежде чем ответить?)

...я здесь живу. Всегда жила.

– Всегда... А меня где отыскала – обосранное сокровище? По запаху нашла?

Щеки, еще детски припухлые, порозовели.

– Я ночью заметила костер на пустоши. Здесь мало кто ходит... Хотела посмотреть сверху, с холма – и там, в камнях, наткнулась на тебя. Ты весь горел... и сейчас горишь. Чем-то отравился, да? Похоже на то.

Да уж... чем-то. Знала бы ты чем... Усмешка, больше смахивающая на болезненную гримасу, исказила лицо.

– Мой дворецкий подал к чаю несвежие булочки.

– Я серьезно!

– И я серьезно. Чего спрашивать? Сказано уже, подыхаю, не видишь, дурочка!

Проигнорировав нарочитую грубость, упрямая незнакомка отставила в сторону посудину с невыпитым лекарством, крепко охватила пальцами его запястья, склонилась и жарко выдохнула почти что губы в губы:

– Не говори... никогда больше не смей говорить таких вещей! Ты не умрешь, понятно? Не умрешь! Я не дам тебе умереть вот так, не позволю!

Он устало прикрыл глаза.

– Как тебя зовут?

И, ничуть не удивившись, услышал:

– Сюзан...

Его нимало не интересовали сейчас любые детали любых событий, но одно он всё же хотел знать.

– Я где, Сюзан? У тебя дома?

– Да.

– И давно?

– Часа три. Или четыре. Ну да, около того, вон уже светает... Я успела тебя вымыть, уложить и заварить траву.

– Ты хочешь сказать: ночью в одиночку притащила с горы такую тушу и взвалила на кровать?

– Ну, во-первых, не такую уж тушу, не лъсти себе. Ты ужасно худой, просто ужасно... Ладно, это дело поправимое!.. А во-вторых, не в одиночку. Мне помог Билл, робот. Он здесь, неподалеку, обслуживает «Федерал»... станцию слежения, кажется, так это называется. Заходит ко мне, частенько. Приносит еду. Когда я бежала домой за санками, чтобы перевезти тебя, по счастью, на полпути столкнулась с ним.

– «По счастью»... Тоже мне счастье: сколько-то дней поваландаться с кучей дерьма, прежде чем зарыть то, что останется, где-нибудь на ближайшей помойке... Здесь есть помойка?..

Маленькая ладошка властно закрыла ему рот.

– Хватит, не хочу больше слушать. И вообще, ты собираешься пить лекарство? У меня еще есть другие дела.

Он послушно выпил, неловко повернулся на больной бок, скрипнул зубами. Девушка, будто что-то припомнив, на минуту отошла, вернулась – и на давнюю, саднящую, вечно воспаленную рану легла повязка с целебным бальзамом.

Она ухаживала за ним неотлучно, истово, отпаивала травами, со снисходительной улыбкой выслушивала протесты, быстро сводила на нет вспышки болезненной раздражительности. Она подтирала с пола его рвоту, без тени брезгливости выносила горшки с вонючей жижей, что хлестала первое время почти беспрестанно, выворачивая наизнанку внутренности. Она ласкала его, унимая боль, уговаривала потерпеть, осторожными круговыми движениями массируя каменно затвердевший живот, нашептывала успокоительные нежности, омывала полыхающее жаром тело прохладной водой, продлевая блаженное, не знакомое ранее ощущение чистоты и – тоже новое, никогда и ни к кому не испытанное – чувство благодарности.

Есть он не хотел. Совсем. Порой с ужасом думал – что, если захочет? – но всё яснее сознавал, что Ей никогда не причинил бы вреда. ОНА была особенной. Чудесной. Не такой, как все. ОНА не была пищей, избави бог, не была!.. Нельзя, чтобы Сюзан узнала, кто он такой, легче умереть, он и должен был умереть, так позорно не выполнив главной задачи, для коей был явлен на свет, однако вопреки всему упрямо цеплялся за жизнь. Хотя бы ради того, чтобы когда-нибудь поцеловать эти губы. Впервые в жизни поцеловать губы девушки... Какие они, должно быть, мягкие, упоительно мягкие! А на вздернутом носике – крохотные, чуть заметные, трогательные веснушки, и волосы пахнут...

Жасмином. Жасмин, розы и жимолость.

Откуда это пришло? Из каких дальних далей? Зачем это ему – изгою, не знающему родства?.. Будто набор составляющих волшебства, будто ключ к неизведанному блаженству, великое триединство: жимолость. Розы. Жасмин.

Розы, жимолость и жасмин, прошлогоднее сено... запах любви. Прошлогоднее сено, где еще теплится дух летнего клевера. Масло, пролитое из древних урн. О Сюзан, моя Сюзан, девушка у окна...

Он – набирающий силу человек в нем – загонял ненавистного теперь паука как можно глубже внутрь, он убил бы его, если б мог. Однако – не мог, и страшился представить, что будет дальше, когда она... *если* она его вылечит. А пока что... пусть всё идет как идет, и ничего больше не нужно. Что может быть нужно на краю бытия? Всю свою недолгую жизнь он без передышки, с тщетным, судорожным, злобным рвением неся по чужим следам, путаясь в собственной паутине. И вот выбыл из смертельной гонки, случайно – или все-таки волей *ка?*.. – выпал наземь из липких тенет. Марионетка сломалась, пообрывав нити. Лежать вот так, в полузабытьи, перестать наконец быть рабом чьего-то безумного властолюбия, никуда не стремиться, ничего не хотеть – и чувствовать на лбу ее руку.

Так прошло три дня. На четвертый, к его удивлению, стало получше. Ближе к вечеру он даже сумел заснуть. А на закате вдруг очнулся с невыразимым ощущением СВОБОДЫ, почему-то сразу постигнув, **что** произошло.

Свербящий в мозгу голос заткнулся уже давно, он вряд ли смог бы припомнить когда, настолько было паршиво, да и не хотелось вспоминать. Ни о чем, ни о ком из прошлого... О нем тоже забыли: ясно-понятно, какое-то время бессильно побушевав, попросту списали за ненадобностью – бесполезное орудие, пришедшее в полную негодность. И всё. Конец связи. Кто бы сомневался... Никаких больше обещаний, и уж тем паче никаких обеспокоенных возгласов: как ты там, сынок?! Не сдох еще?.. Не до того папочке. Ну-ну... А то: «Приходи-приходи, примеришь корону, жду и люблю»...

Только вот какая штука, любящий папаша, – сынок-то, как ни странно, вроде бы сумел выкрутиться... Ты ведь не ожидал этого, с самого начала не ожидал, так?.. Наивный детеныш предназначался на две роли: палача и жертвы, попеременно, как уж повезет. А маньяк-кукловод со съехавшей крышей в нужный момент дергал за веревочки... Брависсимо! Все чудно позабавились. Но бисировать я не буду, вырос, знаете ли, и настроение не то. Правь теперь этой темнотой, бездушная гнида, если сумеешь, и паука своего заberi, составит тебе компанию! Идите вы оба...

Ему не было нужды задумываться, не рановато ли отправлять прощальные пожелания. Не рановато, в самый раз! Прямо вдогонку. Разделенный с родителями *кхеф* безошибочно подсказывал – Алый король мертв, точнее, хитрого зомби перехитрили, каким-то образом определив куда следует. Белый Папуля добился-таки своего, старый упрямец! И я говорю: спасибо, **мы** говорим: спасибо, я и Сюзан.

О, как хорошо, хорошо, *хорошо*... Он твердил это про себя, повторял бесконечно, содрогаясь от слез и беззвучного смеха, ничего сейчас больше не мог, в немудреном словечке концентрировался миллиард ощущений, ураганом сметающий мысли. Отпустило, его наконец отпустило... Борьба довершена. Его собственная, никому не видимая яростная борьба, что за последние три дня впервые привела того, кем он был, к подлинному **раздвоению** личности, разодрала на части прежнее двойное я. И вот – только что! – раздвоение прекратилось, однако чудовищное создание не слилось воедино... Победил ЧЕЛОВЕК. Отринутая им, а потому ставшая чужеродной паучья сущность, желала того или нет, видно, и впрямь свалила в тодэш. Самые глубины тела и души, куда он загнал своего ненавидимого квартиранта, очистились от стороннего гадостного

присутствия. И легче дышалось... Физически легче. Он откинул одеяло, приподнял повязку на боку – так и есть, рана, мучившая его с рождения, затянулась без следа.

Его спасительница дремала в кресле подле кровати, измотанная непрерывным трехсуточным бдением. Он бережно укрыл ее пледом, тихонько, чтобы не разбудить, выбрался на крыльцо. Сразу закружилась голова, качнуло назад – и, опершись о стену, он постоял так немного, полной грудью вбирая острую свежесть воздуха. Он знал теперь, что делать дальше. Знал, для чего остался в живых. Но сначала...

Молодой черноволосый мужчина с древними, пронзительно синими глазами воина свел ладони рупором и крикнул в закатное пламя, укрепляя голосом мысленный посыл:

– Роланд из Гилеада! Твой сын помнит лицо своего отца!

Издали, будто в ответ, послышался звук рога. Трубный глас нарастал, разносясь по спасенным Лучам на все стороны света, во все миры – будоражащий душу, торжествующе певучий. Их фамильная реликвия, столько раз виденная им на поясе стрелка, в этот миг возвещала победу... и он, хвала небесам, мог гордиться отцовским триумфом, мог сполна разделить его чувства. Дитя Дискордии, рожденное для Тьмы, он доверился Белизне, открылся любви. Он был спасен.

Рог смолк. И вроде бы с той стороны долетел еще – слабым отзвуком эха – лай маленького зверька.

Под ложечкой сосало. Всё сильнее и сильнее. Голод – это так естественно для выздоравливающего... Он расправил затекшие плечи, потянулся всем телом – по-кошачьи неспешно, с наслаждением, перебрав каждую косточку. Чашка бульона, вот чего он хочет! Янтарного, крепкого, исходящего ароматным парком куриного бульона. Наверное, Сюзан умеет такой варить. Наверное, это божественно вкусно. Ему в жизни не доводилось пить домашний бульон, приготовленный заботливыми руками. Ему не доводилось... черт, да почти ничего. Но он еще так молод. И он будет жить. И его дети никогда не забудут лицо отца.

Он повернулся к двери и, пошатываясь на неуверенных еще ногах, вошел в свой дом – Мордред Дискейн из рода Эльда, последний стрелок. По праву и по крови.

Каммала

(Песнь Сюзанны. Кода)

Я смотрю, как он спит: совсем юный, почти ребенок, исхудавший до предела, до предела измученный... Простыни сбил комком, разметался, голову закинул. Ресницы темные, длиннющие – любая девчонка обзавидуется! Нестриженные волосы забавно взъерошились. А ладонь на животе, всегда, как бы ни повернулся, руку он кладет на живот, будто всё еще заслоняется от боли, господи, как же ему было больно, как я боялась, что он УЙДЕТ... Но теперь ему легче, жар пошел на убыль, и он спит, вторые уже сутки – попьет бульона и спит, и во сне часто зовет меня, вот и сейчас губы шевельнулись: *Сю-зан...* и я тихонечко наклоняюсь к его лицу, и не целую лишь потому, что боюсь разбудить, ему так нужен сон, он так долго не мог заснуть... Я не знаю, откуда он, не знаю, кто он, до недавних пор в нем явно сквозила какая-то угроза, и у него

несносный характер, никогда не упустит случая съязвить, чуть что – сворачивается в клубок и выпускает иголки, и беззащитен он только во сне, но вот он засыпает и шепчет мое имя... и я едва удерживаюсь от поцелуя.

Где он вырос, сколько он пережил?.. Вначале, в *самом* начале, то и дело возникало чувство, будто передо мной неприрученный... нет, не зверек – хищный зверь, что опасен даже в смертельной болезни. Вспомнить только, как он боялся прикосновений! Любых. Виду, понятно, не показывал, а сам подберется весь, и в глазах паника, будто никто никогда не касался его руками, не гладил по голове, не обнимал... Будто не знает, как реагировать: оттяпать чужую руку, пока не ударила, или стерпеть-таки ласку. Это скоро прошло, однако ведь было, я-то видела, и всякий раз сердце заходило от жалости, ужасно хотелось плакать... В то время, правда, крепилась, слезы закапали позже – когда он начал оттаивать. Когда встретила первый теплый взгляд... Подошла, и он вдруг до того искренне ко мне потянулся, я не выдержала – уткнулась в его макушку носом и заревела, а он, дурачок, ничего не понял, удивился, спросил, чего это я...

А потом этот разговор.

– *Я тебе нравлюсь?*

Вопрос застал врасплох. Я как раз мыла его. Он расслабился, поворачивался послушно, отдаваясь моим рукам – как всегда. Он любит эту процедуру так, словно подобное удовольствие выдавалось не часто в его прошлой жизни... если выдавалось вообще. И вдруг... Съехидничал?..

Быстро вскинула глаза. Нет – смотрит серьезно, напряженно, ждет, даже вроде бы дыхание затаил. Я успокоилась и... ответила правдой.

– Да. Очень.

– Поэтому ты возишься со мной?

Опять двадцать пять...

– И поэтому тоже.

– А почему еще?

– Потому что тебе плохо, а я хочу, чтобы стало лучше. Хочу, чтобы ты поправился.

– Почему?

– Да потому что мне тоже больно, глупый! Потому что видеть не могу, как ты мучаешься! Потому что переживаю...

Он вздохнул, кажется, с облегчением. Улыбнулся – слабо, но всё же...

– Я не такой уж подарочек, Сюзан.

– Я знаю...

Еще бы мне не знать. Не подарочек, да... Только я ждала здесь, ждала этот вот «неподарочек» всю свою жизнь.

Волшебные принцы все под одну гребенку. Учтивые, щедрые, без страха и упрека. Непременно подспеют вовремя и спасут. Но вот он – *мой* принц, сам едва не погибший в какой-то кошмарной сказке, из которой явился мне. И я говорю вам: он самый лучший на свете, и я говорю: спасибо за то, что он есть.

Он такой красивый... для меня точно. Вряд ли стоит ожидать трезвой оценки от любящей женщины, и да, я слишком пристрастна, однако он правда очень красив, поистине *королевской* статью – чеканные, гордые черты. Если это важно. По-моему, совсем нет... ну не совсем, конечно, к чему лукавить, загадочные синеглазые брюнеты моего возраста вовсе не толпятся сутки напролет вокруг дома, жужжа как назойливые мухи... В здешних местах толп вообще не бывает, даже одинокие путники редки. Лишь последние дни всё по-другому, будто что-то стронулось: кто-то ведь разжег костер тогда

на пустоши? И какой-то длинноволосый парень не так давно плелся по дороге к «Федералу». И еще, чуть не забыла... курьезный сегодняшний случай – приبلудившийся ушастик-путаник скулил у дверей, прося еды, а когда я вышла с куском мяса, посмотрел абсолютно по-человечьи, твякнул: «Ыш!» и кивнул, будто представился. Раньше такие зверьки умели разговаривать, где-то я слышала об этом, не помню где... Ладно, так и будем его звать! Вроде бы бродяжка не прочь остаться, по крайней мере не ушел сразу – поел и свернулся клубком на крыльце. Спать не спал, пока я была там, всё глядел на запад, неотрывно глядел, положив голову на лапы. Глазищи такие славные: умные, в золотистых ободках... У меня, кажется, появилась теперь *семья* – обзаведемся уж заодно домашним питомцем.

Чудно и непривычно: дом оживает. Такое ощущение, что окружающее вообще сильно изменилось в лучшую сторону – и продолжает меняться. Под неземное, нарастающее пение в воздухе. Или это потому, что влюбилась по уши?.. Кто бы знал.

Так вот, о чем я?.. По большому счету не так важно все-таки, совершенный красавец мой избранник или в его внешности, уж не ведаю как, отыщутся изъяны... Важнее, что он – это он, такой как есть: язвительный и нервный, всегда взрывоопасный, очень уставший, избегающий нежностей и бесконечно родной, – что он остался жив, остался со мной, вошел в мою душу так легко и так прочно, будто единственный из всех имел на это право: жесткий, диковатый, недоверчивый мальчик с глазами-льдинками, повидавшими смерть.

Опять шевельнулся, свел брови, простонал едва слышно... Что тебе снится, милый? Может, снова вернулась боль?.. Нет, надеюсь, что нет, мы с тобой прогнали ее прочь, прогнали навсегда. Надеюсь, что скоро я услышу твой смех. Так странно, я не знаю пока, как ты смеешься... Хотя кажется, что знаю: мужской смех, беззаботный и юный, временами разносится по моим снам – внезапным, сладким эхом. Или так смеялся когда-то давно кто-то другой?.. Я задаю себе столько вопросов... У меня не было никаких вопросов долгие годы, я просто жила как жила, а теперь вот задумываюсь и осознаю, сколь много, оказывается, мне неизвестно, и как – до этой встречи – был зыбок мой мир.

Откуда ты взялся?.. Откуда взялась я сама?.. Нет ответа... Да и нужен ли он, ответ? Есть *ка*, и есть *мы*. Спи, счастье мое... Я ведь не могла тебя видеть раньше, правда?.. Конечно же, нет, какая глупость. Знать бы только, почему мне так знакомы твои глаза...

*Кам-кам-каммала,
Не зря рис сажала...*

ОТ АФТАРА.

Долгих дней и приятных ночей всем, друзья! То, что вы прочтете ниже – не опыт авторецензии, пишу лишь из желания поделиться мыслями с близкими по духу людьми. Поговорить о том, ради кого я совершила Прыжок в Крайний мир, чтобы очутиться там на финише похода Роланда, *правильного* похода, на который дал надежду сам Кас-Ка Ган Кинг.

Кто он – Мордред?.. Ребенок, зачатый злом, для зла и во имя Зла. Паучье семя короля-безумца, взлуквавшего трона Тьмы, но вместе с тем единственный отпрыск стрелка, **последнего** стрелка, унаследовавший – пусть даже чьим-то коварством – гены светлого рода Эльда... Наивное и жестокое дитя, так и не сумевшее по-настоящему вырасти. Недоросль, обуянный слепой юношеской гордыней, что активнейшим образом подогревалась извне – Роланд (кстати, может, и зря?..) никогда не делал попыток вмешаться, используя мысленную связь, но уж Алый-то папуля исправно подкидывал в топку поленца, то бишь в младенческий мозг – нужные картиночки... Сын, любящий и ненавидящий отца-человека – причем ненавидящий яростнее всего именно за то, что любит, за то, что, как бы ни лютовал, не в силах освободиться от вроде бы ненужного, безнадежного чувства. Часть *ка-тета*, что спит и видит, как бы этот самый *ка-тет* уничтожить, и тем не менее сознает – *«их гибель отозвалась бы у него в душе лучетрясением»*. Наконец, мучительно умирающее существо, которое, даже чуя близкий конец, отнюдь не намеревалось подышать кверху лапками в собственных фекалиях – на самой кромке, и то нашло в себе мужество для последней атаки. Есть за что уважать, согласитесь! И посочувствовать есть чему...

Вот что я заметила: никто из тех, с кем обсуждала книгу (как и на здешнем форуме – помните тему о главных злодеях?..), не определил в таковые *дан-тете*. Мнения сводились к одному: хоть и чудовище, конечно... а жалко. Да ясен пень, жалко... Детеныш ведь глупый. Вроде того горемычного дракончика из анекдота: *«Где твоя мама?»* – *«Съел...»* – *«А папа?»* – *«Съел...»* – *«Ну и кто ты после этого?!»* – *«Сироти-нуш-ка-а-а!..»* Один к одному, правда? Прямо квинтэссенция Мордредова мироощущения.

Жалели мальчишку и Сюзанна с Роландом, не желая признаваться в слабости даже себе самим и тем более не говоря об этом вслух. Просто... всегда оставляли на стоянках еду – это, пускай минимальное и неоцененное адресатом, проявление родительской заботы. Логичнее было бы закопать остатки, сжечь, отравить, наконец – с чего ради подкреплять силы идущего по следу убийцы!.. Но убийца-то не машина, не терминатор какой, железяка компьютерная, без боли, без эмоций... Ребенок. Собственный. Слабеющий с каждым днем, однако до того упорный, что стойкость эта невольно вызывает у родителей удивление и... понимание. В самом деле: голодает, мерзнет, болеет, порой... вот ведь! плачет от безысходного одиночества, – и всё же любой ценой тшится выполнить поставленную задачу, которую (пусть ошибочно) полагает важнейшей. *Жизненной целью*. Это ли не качество стрелка! И, как я позволила себе предположить, свой экзамен парень таки сдаст. Сразу – на стрелка и человека.

Ну не могла я смириться с его гибелью, и всё тут! Забыть не получалось. Что-то было в этой нескладной судьбе, в этой нелепо и страшно завершившейся жизни, что не давало покоя до тех пор, пока не села за комп. Села в полной уверенности – коли уж есть у живой твари в душе «грусть, одиночество и любовь», душа эта самая имеет шанс на

спасение. (В отличие, скажем, от души Тома Реддла, более известного под псевдонимом «лорд Волан-де-Морт», обреченность коего предопределялась именно **абсолютной** неспособностью любить...) Собственно, вначале я хотела именно этого, главного – попытаться спасти Мордред, и была просто поражена, когда буквально с первых же напечатанных предложений ВСЁ ПРОЧЕЕ начало складываться так, будто отыскивались где-то несколько недостающих кусочков пазла, и картина вдруг предстала во всей четкости и полноте. Забресжил очевидный выход.

Ой, как меня сразу заколбасило! И не отпускало долго, – вроде бы закончив, возвращалась и возвращалась к этим родным уже людям, перечитывала написанное, пока не сообразила вдруг, что же при новом повороте событий станется с Ышем. Лишь тогда – уфф, всё. Последний, такой важный пазлик лег на место, будто тут и был.

Добавлю немного о нем, не удержусь... История маленького зверька с большим верным сердцем трогает всех без исключения, гибель потрясает до слез. Но если всё пойдет по-другому, ему не придется приносить себя в жертву, и наш ушастик-путаник – о радость! – останется жив. А вот что дальше? Уйдет с Сюзанной?.. Вряд ли. При всей безграничной любви к Джейку Ыш сознает, что будет чужим в его мире, не сможет прижиться. Да и не только поэтому... Его путь связан с путем стрелка. Он – единственный – останется с Роландом до конца, проводит к Башне, услышит рог Эльда.

Так я думала с самого начала. Куда отправится Ыш после, представлялось как-то смутно, и это беспокоило. Привык ведь к людям, среди себе подобных место давно утрачено: в стае (любой!) инаких не жалуют. Ну да ладно, главное – живой... А потом осенило: господи, да я ж **знаю!** Конечно же, он будет искать Мордред!

Парадокс, скажете – прийти в дом к тому, кто едва не стал твоим убийцей?.. Да ничего подобного. Пушистый малыш – полноправный член *ка-тета*, а значит, почувствовал одновременно с Роландом, что нет более прежнего *дан-тете* – есть сын его *дина*, единственный отныне человек, с кем он делит *кхеф*. И этот человек не представляет угрозы – напротив, теперь они друг друга поймут... Этих двоих слишком многое связывает, а не разделяет уже ничто. Осколки бывшего *ка-тета Девятнадцати* и *ка-тет* новоявленный, созданный любовью юной пары, соединившись, преобразуются в новый *ка-тет*, что начнет новую жизнь в своем возрождающемся мире. И, сдастся мне, совсем скоро многоопытному и отважному воину Белизны предстоит стать живой игрушкой (а чуть погодя – любимейшим другом) для одного или нескольких несмышленишек!

Ну а теперь снова вернемся к главному. Воля ваша – соглашаться или нет. В любом случае: почему бы не побеседовать? Истина, как всегда, где-то на перекрестке мнений. (*Где-то рядом...*) Лично я рассуждала вот как.

Наделенный своей крайне разношерстной родительской толпой чем только можно и нельзя, этот странный «плод четверых» **должен** был явиться на свет, – на мой взгляд, во всех вариантах событий сие так же непреложно и неизбежно, как «извлечение троих». Но вот должен ли был он погибнуть – **ТАК** погибнуть, делая Роланда сыноубийцей и – таким образом – лишая возможности искупления грехов, более того: **добавляя** в конце пути грех тягчайший, пусть даже невольный, обусловленный жизненной необходимостью?.. Или *дан-тете* все-таки рожден был для чего-то большего, и Ган изначально уготовал ему иную задачу, чем полагал себе раскатавший губу дальше некуда Алый Король?.. Не есть ли спасение Мордред – единственная надежда на завершение бесконечного странствия, единственный выход из тупика?..

Никто из *ка-тета* спасти заблудшее дитя не мог, это однозначно. Слишком... гм... сложные взаимоотношения. Мордред и сам на этот счет иллюзий не питал. Соображал трезво – даже кинься он к дражайшим родителям с распростертыми лапками, вереща аки восторженный телепузик: «Обнимемся!..», крик этот неминуемо оборвется

навек – на расстоянии револьверного выстрела от объектов любви. Без вариантов. На что тут рассчитывать? Все прекрасно знают, чего ожидать друг от друга – или думают, что знают...

А здесь ведь, между прочим, 50 на 50, при двух-то папочках! В тот раз, о котором мы читали (видимо, как и во всех предыдущих версиях похода), довлеющей частью двойного я выступал сын Алого Короля. Так почему бы наконец не одержать верх сыну Роланда – при условии, что человеческая личность сумеет развиваться, для начала хотя бы выбьется из зачаточного состояния, минует стадию куколки... Обычно в этой своей ипостаси *дан-тете* в основном довольствовался инстинктами, – а если ему станет их мало?.. Вдруг да отыщется катализатор **душевного** роста?..

До последнего у мальчишки попросту не было ни возможности, ни повода, ни желания задуматься. Какое уж там «остановиться, оглянуться»... Всё на бегу. В теле – две равноправные сущности, одна из коих... ну, вы знаете. Плюс резкое физическое взросление, опережающее разум. Плюс полное отсутствие воспитания, при его-то неважной наследственности! Педагогический кошмар. С самого рождения – никакой тебе социализации, никакого человеческого общения, даже элементарного, бытового, потому как быт тоже отсутствует напрочь. Сам себе колыбельку сплел, сам и спать в ней лег. Подгузники кто менял? Робот. Из собеседников – только злокозненный голос в голове, принадлежащий сбрендившему зомби с манией величия. М-да... Счастливейшее детство, врагу не пожелаешь! Вот вам и закономерный финал, пожалуйста: наелся бяки от пуза, без пригляду-то...

«*Ка не могла приложить к этому руку...*» Написав эту строчку, Кас-Ка Ган тоже руки умыл, откревшившись от дальнейшего участия в судьбе ненасытного полупаука. Но что, если *ка* все же вмешается? Подарит бедняге такие необходимые несколько дней, выключив из гонки еще до того, как Сюзанна отправилась в неизвестность искать любимого?.. Мордред ведь не столь уж высоко ценил свое одиночество, тем более что не выбирал его сознательно. Просто как тот неуловимый Джо – нафиг никому не нужен...

Друзья?.. Откуда им взяться... Родственники?.. Я вас умоляю! Инициатор этого замысловатого оплодотворения преследовал исключительно личные корыстные цели, видя в ребенке лишь средство их достижения. Для обоих стрелков неожиданное обзаведение потомством – помеха на пути, прямая угроза, а не приятный сюрприз. Единственную подлинно любящую мать-демоницу младенчик, едва родившись, слопал по недомыслию, не ведая, что творит (младенцы, они такие, что с них взять... Никогда не прилетало со всей дури игрушкой в глаз от родного дитяти? Нет? Ну, родите – узнаете, как оно бывает... Сто из ста счастливых обладателей малолетнего чада припомнят подобный эпизод).

А теперь «малому» плохо. Очень. Что, если впервые найдется кому разделить его боль?.. Та-ак, мы вроде бы на правильном пути, факторы складываются благоприятно... Алый призрак, уяснив, что верный киллер вот-вот отдаст концы, сей же миг сбросит того со счетов и оставит в покое. И слава те господи! Физическая беспомощность вообще оказалась как нельзя кстати – в полном здравии *дан-тете* не пошел бы на сближение ни с кем. Значит, заставить его увидеть иную жизнь (и возжелать ее!), помочь постигнуть очевидные (для других!) вещи можно лишь вот так: надежно приковав к постели. Чем у нас душа совершенствуется, помните?.. Правильно, страданиями, согласно «Формуле любви». Есть еще одна хорошая формула: «Время и тепло». А следом... в реакцию вступает искомый катализатор – ЛЮБОВЬ. Та самая. Что движет солнце и светила. Что поистине способна на **всё**.

Кто-то скажет: романтическая фигня. Знаю, многие никаким боком не нуждаются в таковой... до поры до времени. Иные, энное количество раз обжегшись, воздвигают целую

философию из глобальной одиночности личности и непримиримого различия полов, прячутся за этой глыбой льда и сидят так, несчастные, всю жизнь (либо обрывают существование, как поступил в свое время один такой сильно недолюбленный юный ботаник – Отто Вейнингер). А ведь всё настолько просто, сэй, проще некуда! Стоит заболеть посерьезнее – любой, даже самый закоснелый скептик, в корне меняет взгляды, не хочет быть один, ищет сострадания и заботы. Так уж устроены мы, люди... Прижаться горячим лбом к ласковой прохладной ладони, заснуть на любимом плече – счастливей прочих тот, кому это дано. И практически каждый проверял эту аксиому на собственной шкуре. Стало быть, вот он – шанс для Мордреда... и я не могла не дать ему этот шанс. А мальчик – молодец, умница! – не упустил, воспользовался, да еще как.

Кинг часто и замечательно говорит о природе творчества. Узнаваемо, знакомо до мурашек по коже: момент истины, когда превращаешься в передатчик РЕАЛЬНОСТИ, которую ВИДИШЬ, которую вроде бы сам и создал и которая уже тебе не совсем подвластна, и ты это чувствуешь... Это больше, чем просто слова на бумаге. Это НЕЧТО. В данном случае я, разумеется, прикоснулась к чужому миру – ой нет, не хочется называть его так... Нет, не чужому. *Созданному не мной*. И то – вон что вышло. Избави бог, я не кокетничаю! Кто писал – знает, не так ли?.. Вспомните удивленное пушкинское «экую штуку удрала моя Татьяна – замуж выскочила!..» С некоторых пор прекрасно я его понимаю. Афтар же как-никак. Мне, конечно, хватает здравого смысла не величать себя солидным словом «писатель», но даже мои вполне себе графоманские опыты показывают, насколько Кинг прав. Так, может быть, взяв на себя смелость ненадолго стать Кас-Ка Ган, овеществив пришедшую идею, на каком-то из уровней Башни я в самом деле сумела помочь тем, кого люблю?.. «*Есть и другие миры, кроме этого...*»

Хотите пример мгновенного «выхода из-под контроля»?.. Мордред спросил у незнакомки имя, и та назвалась – поверьте, совершенно неожиданно для меня. Дотоле я и не помышляла, что она – Сюзан. Не Сюзан Дельгадо, нет, я и сейчас так не думаю – та погибла беременной на костре. Однако, без сомнения, девушка с таким именем оказалась там не случайно... У Башни вообще никто не оказывается случайно. Эта Сюзан – скорее реинкарнация, часть души которой *помнит* (как, скажем, Эдди Дин – возможная реинкарнация Катберта Оллгуда, но никак не Катберт собственной персоной). Смех любимого, что когда-то унесла с собой в небо одна, слышится в снах другой...

Сколько времени бедняжка провела в ожидании, не подозревая, что чего-то ждет, можно лишь предполагать. Но вот назвала имя, вот, выходя из длительного анабиоза, задалась первыми вопросами, а дальше... будто сама собой сложилась и полилась родниковыми нотами нежная песнь Сюзанны.

Эта песня-каммала пустила в рост почти зачахшее зернышко человечности в изувеченном от рождения гибриде. Лишь тогда инфантильный юнец-переросток действительно **вырос**. Повзрослел, потому что полюбил, или полюбил, потому что повзрослел – не суть важно... Важнее – с ним случилось и то, и другое. Возмужав и многое поняв, человек САМ нашел в себе силы разорвать двоесущность, он боролся за спасение, *заслужил* его этой борьбой – и потому был спасен.

Нет, он не преобразится чудесным образом в ангелочка и паиньку, Мордред Роландович, характер не тот, к тому же стрелки вообще народ своеобразный... Да и нужно ли?.. Сюзан из Меджиса не пыталась переделывать Роланда – и, подобно ей, Сюзан из Крайнего мира любит своего избранника таким, как есть.

Я знаю одно – если придется сражаться, последний стрелок примет сторону Белизны. Может быть, даже станет-таки королем – но не Тьмы, а возрожденного Света... Отваги, властности, харизмы лидера и прочих монарших качеств в нем достанет с избытком. И когда впервые за долгие столетия сильная рука взметнет ввысь знамя гилеадских воинов с изображением Лламри – глядишь, Патрик Дэнвилл напишет совсем другой портрет... А может, всё сложится иначе: сэй Дискейн поведет в доме на краю

Крайнего мира обычную жизнь обычного человека, изведав мирное семейное счастье, что когда-то безвозвратно уплыло из рук юного Роланда.

Револьверы с сандаловыми рукоятками, боевое наследие рода, канут в вечность вместе с тем, кому принадлежали дольше всего. *Розы, жимолость и жасмин* – вот какое наследство с благодарностью примет сын, **он** долгобит, вкусит блаженства сполна, за себя и за отца... Любимая женщина родит ему детей, дети вырастут на его глазах, и это, поверьте, ничуть не хуже славы и трона.

А Чайлд-Роланд... Чайлд-Роланд направляется к Темной Башне, ЗНАЯ, что свершилось чудо – в родном ему, ключевом мире у него остался сын, что тот, занеся уже ногу за край тропы, не просто выжил – сумел одержать собственную, важнейшую личную победу, и сбылись вдруг самые, казалось бы, несбыточные надежды: есть кому сохранить и продолжить династию, есть кому помнить о Башне. Он уходит **чистым** и спокойным – на сей раз. Уходит легким шагом, не отягощенный кошмаром родительского проклятия «*я тебя породил, я тебя и убью...*», не терзаемый муками совести за жертвенную смерть Ыша. Уходит навсегда, ему это ведомо, и он готов к этому. Уходит, трубя в рог Эльда, выкликая дорогие имена.

Перед его глазами – последняя Дверь. Пусть же вечный странник найдет за нею то, что искал – что бы это ни было, – и обретет наконец покой...

Ну вот. В этих строчках – то, из-за чего я вышла на конкурс. Не награды ради, не выигрыша для, чесслово... хотя, конечно, доброе слово всегда приятно и кошке, и ушастику-путанику, и вдохновенно графоманящему афтару. Высшей наградой для меня была бы возможность спросить самого демиурга Внутреннего, Срединного и Крайнего миров: как **он** отнесся бы к подобному варианту, счел бы его возможным и допустимым?.. Но увы – помимо прочих камней преткновения, я катастрофически неанглоязычна. Да и вообще: «Нет, сынок, это фантастика...»

Оценивая мои труды, подруга сказала: «И логично, и утешительно очень». Если вам тоже так кажется, если хочется верить, что так оно в конце концов всё и выйдет, давайте просто порадуемся за любимых героев. Вместе. Это самое главное. Ради этого я начала писать, кстати, задолго до того, как впервые побывала на сайтах, названных в «Путеводителе...», и узнала о здешних конкурсах фэнфиков. Простите, если кому покажется, что слишком много на себя взяла, побаиваюсь такого вывода, но думаю, вы всё же понимаете: я не намеревалась подменять Кинга. Лишь заглянула за грань книги, в туманную область вероятного, попутешествовала там... и поделилась увиденным с вами. А теперь – надеюсь услышать ваше мнение. Слушаю вас, и слушаю внимательно...

Ольга КАБАНОВА